

- Т-ты не можешь, - сказал он, проецируя уверенность в своем утверждении, которое он совершенно определенно не чувствовал. - Ты н-не станешь. Ты... герой.

- Не стану? - Ее улыбка приобрела резкость. - Знаешь, что есть общего у каждого героя в моем репертуаре, Выверт? Единственное, что связывает их всех вместе? Они все убивали. И за это их прославили в веках.

- Т-ты... у тебя было достаточно шансов... чтобы убить Лунга. Чтобы убить...Бакуду. Ты этого не сделала.

- Но была готова, - призналась она небрежно, почти непринужденно. - Лунга, случайно. Бакуду... ты знаешь единственную причину, по которой я этого не сделала? То, что удержало меня?

Он не ответил, хотя после инцидента у него возникло несколько подозрений. Теперь она только подтверждала то, о чем он думал раньше.

- Она пощадила моего отца, - сказал Апокриф. - Несмотря на всё остальное, что она сделала, несмотря на все её бахвальство и угрозы, она не причинила ему вреда. Если бы причинила... если бы пальцем тронула...

Это заявление повисло в воздухе, подразумеваемая угроза, намек на её пределы и на то, как они могут быть нарушены. Какие кнопки нужно нажать, чтобы подтолкнуть её к краю, какие рычаги могут завести её в самые темные глубины.

Теперь он похоже понимал, что происходит.

- Т-ты этого не сделаешь, - сказал он ей, хотя теперь даже он не мог притвориться, что верит в это. - Т-ты не... такой человек.

- Ты прав, не такой, - сказала она, удивив его. - Я боролась с этой неизбежностью с момента моего триггера, с тех пор, как поняла... Я очень старалась не переступить границы, которые сама для себя установила, чтобы не стать таким человеком. Я так старалась не позволять себе идти на компромисс, не позволять себе стать кем-то настолько жестким, чтобы лишать кого-то жизни по собственному желанию. Ты прав, я не такой человек. Не была... еще пять минут назад.

Он застыл. Каждый мыслительный процесс остановился.

Еще пять минут назад.

Когда Сплетница и Панацея были завалены и убиты, когда его база самоликвидировалась, она имела в виду.

- Т-ты собираешься у-убить меня.

Он просчитался. Где-то, каким-то образом он сильно просчитался.

- Пока нет, но мы доберемся до этого, - сказала Апокриф.

Он вздрогнул.

- Что?

- Ты что, уже забыл? Я дружила с Лизой, Выверт. Сплетницей. Она рассказала мне всё, как работают твои силы, каковы ее ограничения.

Где-то в затылке отдаленно зазвенел сигнал тревоги.

- Что?

- Ты моделируешь возможные варианты будущего в режиме реального времени, проживая их одновременно и приобретая опыт каждого из них, даже если в конце концов выбираешь только один. Поскольку мы все еще здесь, и ты не закрыл эту возможность... Я предполагаю, что только две, верно? Одну, где ты самоликвидировал свою базу и ушёл, эта. Другая, где ты этого не сделал и остался, вероятно, чтобы посмотреть, какую информацию ты можешь собрать, верно?

Он снова вздрогнул.

- К-как?

- Потому что мы все еще здесь, - повторила она. "Это означает, что где-то там, внутри, ты все еще считаешь возможным, что тебе может понадобиться эта временная линия. Если бы у тебя было больше, если бы у тебя была такая, где ты бы сидел дома, в целостности и сохранности, тогда нас бы здесь не было.

Первый Выверт снова застыл, ошеломленный. Он с трудом сглотнул.

- Ч-что... что ты собираешься делать? Почему бы... просто не убить меня?

Она холодно посмотрела на него.

- Потому что, если ты умрешь в обеих временных линиях, я не исключаю, что ты сохранишь эту только для того, чтобы надуть меня. В конце концов, ты уже доказал, что готов сделать что-то подобное. Так что...

Она протянула руку и взялась за рукоять массивного двуручного меча, затем начала проталкивать его глубже. Первый Выверт застонал, а затем закричал, когда края лезвия еще глубже вонзились в его тело и погрузились в колонну, к которой он был пришпилен, со звуком, похожим на скрежет гвоздей по классной доске.

После целой вечности боли лезвие вошло так глубоко, насколько вообще возможно, и орнамент у его основания слегка впился в рану. Он тяжело дышал, запыхавшись, каждый нерв был напряжен и все еще пульсировал, отчаянно пытаясь не потерять сознание.

- Я собираюсь дать тебе стимул выбрать другой, - мрачно сказала она.

- Т-ты не... ты не... такой... ч-человек!

Свирепое выражение её лица могло бы напугать самого закоренелого преступника, такова была напряженность. Сам Кайзер заколебался бы, увидев это.

- Прямо сейчас я именно такой человек. Если мне придется сдаться такой версии себя, чтобы дать моей второй "я" и двум ее лучшим подругам шанс выжить, тогда я ожесточу своё сердце и сделаю всё возможное, чтобы их временная линия стала предпочтительной.

- Что... - попытался он между вдохами. - Что, если... я уже выбрал... эту временную линию?

Что... если... нет... другой?

На одно мгновение её лицо исказилось гримасой ярости и горя, такой резкой и ужасной, что ему показалось она может попытаться разорвать его на части зубами. Но после неудачного рывка к нему, продвинувшись всего на несколько сантиметров вперед, выражение ее лица стало замкнутым и ещё холоднее, чем раньше. Она посмотрела на него глазами, которые могли бы заморозить сам ад.

- Тогда мне просто придется перестать притворяться и жить с тем, кто я есть, - сказала она ему арктическим голосом. - В отличие от тебя. Ты не доживешь достаточно, чтобы увидеть дело рук своих.

Она отпустила свой меч и потянулась, взяв одну из его рук в свои с совершенно неуместной нежностью. Затем, когда её хватка усилилась, ее правая рука схватила его за указательный палец, и Выверт понял, что она намеревалась сделать.

Потребовалось всего два пальца, прежде чем он решил отказаться от этой временной линии.

Выверт Два, теперь уже единственный, сидел, застыв, в своем кабинете, пытаясь осмыслить то, что произошло в его другой временной линии.

Его пытали. Такого... никогда раньше не случалось. Ни разу, во всех бесчисленных неудачах и несостоявшихся трагедиях, которые его сила позволяла ему видеть и избежать, его ни разу не пытали. Он получал ранения, смерть, иногда даже захватывали в плен, но никогда не подвергали чему-то настолько всецело нацеленному на причинение боли, настолько решительному, чтобы заставить его страдать как можно больше, настолько...

Он запоздало осознал, что дрожит, а его руки так крепко вцепились в подлокотники кресла, что побелели костяшки пальцев. Его сердце все еще отбивало быстрый ритм внутри груди, как будто он все еще был там, на той парковке, медленно умирая, пока тот пронзительный взгляд наблюдал, как он корчится и кричит с мрачным удовлетворением палача.

Снаружи послышалась суматоха, быстрые звуки выстрелов, внезапно вспыхнувшие и так же внезапно смолкнувшие, Выверт сразу понял, что это значит. У него перехватило дыхание, а руки крепче сжали подлокотники кресла, биение его сердца ускорилося, он мгновенно осознал, с волной холодного ужаса, что у него нет другой временной линии, куда можно сбежать, у него нет выхода из этой ситуации, он полностью пойман в ловушку.

Тишина растянулась на секунды, которые показались часами, затем дверь в его кабинет резко распахнулась, и в дверь вошли три девушки, загнавшие его в угол в его собственном доме в другой временной линии, с Апокриф впереди. Он должен что-то сказать, остроумная реплика или спокойное замечание, угроза, обещание, хвастовство - что угодно, что позволит ему восстановить контроль над ситуацией.

Но его губы не шевелились. Его язык прилип к небу.

- Привет, начальничек, - сказала его Сплетница, широко ему ухмыляясь. - Удивлен увидеть меня? Живой?

И всё же его рот отказывался повиноваться.

Апокриф шагнула вперед, и линия её рта, напряженные плечи, напряженная поза, которая, как ему показалось, сдерживала каждую унцию насилия и агрессивности, проявленных её

альтернативным "я", были подобны пощечине. Он дернулся назад, глубже вжимаясь в кресло, как будто это может помочь ему избежать неизбежного.

Его внутренности и пальцы горели от воспоминаемой агонии, призрака другой жизни. Обещание того, что должно произойти в этой.

- Пстой, - сказал он, пытаясь придумать что-нибудь, что убедит её остановиться, - пстой, я могу быть тебе полезен! У меня есть деньги, влияние... я связан с СКП! Я могу... я могу навести порядок на Кладбище Кораблей, нанять докеров! Ты больше никогда ни в чем не будешь нуждаться!

- Выверт, - произнесла она медленно, отчетливо, тоном, полным смысла и целеустремленности.
- Я победила твоих агентов, я сломила твою оборону, я победила тебя.

Позади нее он увидел, как вздрогнула его Сплетница, увидел, как на её лице быстро сменились удивление, негодование, ярость и, наконец, мрачная покорность судьбе.

- По праву завоевателя я требую—

Он понял, что сейчас произойдет, почти слишком поздно, поскольку его Сплетница с отработанной скоростью выхватила пистолет и направила его в его сторону. Он разделил временную линию почти рефлекторно, и в одном случае он уклонился вправо, в то время как в другом влево.

БАХ!

Временные линии снова слились в одну, и там, где он увернулся влево, он дернулся, пуля попала в цель, из его груди хлынула кровь, затем он рухнул на поверхность своего стола.

Плохой Концовка 2: Коллапс Квантовой Линии

— o.o.o.o.o —

<http://tl.rulate.ru/book/85742/3318711>